
ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА И ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Андрей Валерьевич Скоробогатов
*Профессор кафедры теории государства
и права и публично-правовых дисциплин
Казанского инновационного университета
им. В. Г. Тимирязова (ИЭУП),
доктор исторических наук, доцент
E-mail: av.skorobogotov@mail.ru*

Анна Ильдаровна Скоробогатова
*Заведующий кафедрой педагогической
психологии и педагогики
Казанского инновационного
университета им. В. Г. Тимирязова (ИЭУП),
кандидат педагогических наук, доцент
E-mail: a.i.skorobogatova@mail.ru*

Айдар Аскарлович Юсупов
*Заведующий кафедрой гражданского и
арбитражного процесса Казанского института
(филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России),
кандидат юридических наук, доцент
E-mail: u.a.a.78@mail.ru*

Правовая компетентность в структуре правовой культуры

***Аннотация.** Актуальность работы обусловлена усилением горизонтального фактора развития правовой культуры и расширением значения правовой компетентности. Предмет исследования составляют доктринальные и нормативные положения, определяющие содержание и значение правовой компетентности. Целью статьи является междисциплинарное исследование сущности, содержания и места правовой компетентности в структуре правовой культуры. Методология исследования основана на коммуникативной парадигме. Результаты исследования: правовая компетентность представляет собой совокупность правовых знаний, ценностно-смысловых установок, умений, навыков, коммуникативных способностей и личностных качеств, необходимых для эффективного функционирования человека в правовой реальности. Новизна работы связана с системным пониманием правовой компетентности, отражающим ментальные и поведенческие аспекты содержания, развития и функционирования правовой культуры в современном мире.*

© Скоробогатов А. В., Скоробогатова А. И., Юсупов А. А., 2021

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА И ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Андрей Валерьевич Скоробогатов
*Профессор кафедры теории государства
и права и публично-правовых дисциплин
Казанского инновационного университета
им. В. Г. Тимирязова (ИЭУП),
доктор исторических наук, доцент
E-mail: av.skorobogotov@mail.ru*

Анна Ильдаровна Скоробогатова
*Заведующий кафедрой педагогической
психологии и педагогики
Казанского инновационного
университета им. В. Г. Тимирязова (ИЭУП),
кандидат педагогических наук, доцент
E-mail: a.i.skorobogatova@mail.ru*

Айдар Аскарлович Юсупов
*Заведующий кафедрой гражданского и
арбитражного процесса Казанского института
(филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России),
кандидат юридических наук, доцент
E-mail: u.a.a.78@mail.ru*

Правовая компетентность в структуре правовой культуры

***Аннотация.** Актуальность работы обусловлена усилением горизонтального фактора развития правовой культуры и расширением значения правовой компетентности. Предмет исследования составляют доктринальные и нормативные положения, определяющие содержание и значение правовой компетентности. Целью статьи является междисциплинарное исследование сущности, содержания и места правовой компетентности в структуре правовой культуры. Методология исследования основана на коммуникативной парадигме. Результаты исследования: правовая компетентность представляет собой совокупность правовых знаний, ценностно-смысловых установок, умений, навыков, коммуникативных способностей и личностных качеств, необходимых для эффективного функционирования человека в правовой реальности. Новизна работы связана с системным пониманием правовой компетентности, отражающим ментальные и поведенческие аспекты содержания, развития и функционирования правовой культуры в современном мире.*

© Скоробогатов А. В., Скоробогатова А. И., Юсупов А. А., 2021

Ключевые слова: правовая компетентность, правовая культура, правовое сознание, правовое поведение, правовая коммуникация, правовая ценность, правовая идентификация.

Andrey Valer'evich Skorobogatov

Professor of the department of Theory of State and Law and Public-Legal disciplines, Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov (IEML), Doctor of Historical Science, Docent

Anna Il'darovna Skorobogatova

Head of the Department of Pedagogical Psychology and Pedagogics, Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov (IEML), Candidate of Pedagogical Science, Docent

Aidar Askarovich Yusupov

Head of Department of Civil and Arbitration Process, Kazan Institute (the branch) of the All-Russian State University of Justice (RLA (Russian Law Academy) of the Ministry of Justice of Russia), Candidate of Juridical Sciences, Docent

Legal Competence within the Structure of Legal Culture

Annotation. *The relevance of the present paper is caused by enhancing horizontal factor of the development of legal culture and increasing value of legal competence. The subject of the research consists of doctrinal and legal provisions which determine content and meaning of legal competence. The article is aimed to provide cross-disciplinary analysis of the nature, content and position of legal competence within the structure of legal culture. Methodological basement of the research is build upon communicative paradigm. The authors believe that the results of this scientific investigation can be viewed as the following conclusion: legal competence is the complexity of legal knowledges, value-moral attitudes, skills, communicative abilities and personal characteristics needed for effective functioning of an individual in legal reality. The newness of the work is related to systematic view on the notion of competence reflecting mental and behavioral aspects of nature, development and functioning of legal culture in modern world.*

Keywords: *legal competence, legal culture, legal awareness, legal behavior, legal communication, legal value, legal identity.*

Цифровизация современной социальной реальности не только усиливает транзитивность общества, но и трансформирует темп и направленность социального развития. В этих условиях разрушается большинство институциональных и нормативных стандартов, устанавливаются новые

Ключевые слова: правовая компетентность, правовая культура, правовое сознание, правовое поведение, правовая коммуникация, правовая ценность, правовая идентификация.

Andrey Valer'evich Skorobogatov

Professor of the department of Theory of State and Law and Public-Legal disciplines, Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov (IEML), Doctor of Historical Science, Docent

Anna Il'darovna Skorobogatova

Head of the Department of Pedagogical Psychology and Pedagogics, Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov (IEML), Candidate of Pedagogical Science, Docent

Aidar Askarovich Yusupov

Head of Department of Civil and Arbitration Process, Kazan Institute (the branch) of the All-Russian State University of Justice (RLA (Russian Law Academy) of the Ministry of Justice of Russia), Candidate of Juridical Sciences, Docent

Legal Competence within the Structure of Legal Culture

Annotation. *The relevance of the present paper is caused by enhancing horizontal factor of the development of legal culture and increasing value of legal competence. The subject of the research consists of doctrinal and legal provisions which determine content and meaning of legal competence. The article is aimed to provide cross-disciplinary analysis of the nature, content and position of legal competence within the structure of legal culture. Methodological basement of the research is build upon communicative paradigm. The authors believe that the results of this scientific investigation can be viewed as the following conclusion: legal competence is the complexity of legal knowledges, value-moral attitudes, skills, communicative abilities and personal characteristics needed for effective functioning of an individual in legal reality. The newness of the work is related to systematic view on the notion of competence reflecting mental and behavioral aspects of nature, development and functioning of legal culture in modern world.*

Keywords: *legal competence, legal culture, legal awareness, legal behavior, legal communication, legal value, legal identity.*

Цифровизация современной социальной реальности не только усиливает транзитивность общества, но и трансформирует темп и направленность социального развития. В этих условиях разрушается большинство институциональных и нормативных стандартов, устанавливаются новые

правила правового взаимодействия при чрезвычайном росте индивидуального поведенческого выбора, который, в свою очередь, существенно влияет на конструирование правовой реальности. Усиливается значение горизонтальной коммуникации в формировании правовой культуры. Это обуславливает необходимость смещения исследовательского интереса с онтологического аспекта этой категории к аксиологическому. В наибольшей степени ценностный компонент правовой культуры способен отразить понятие «правовой компетентности».

Традиционно компетентность, в том числе правовая, рассматривалась либо в педагогическом, либо в управленческом контексте. Основное внимание уделялось формированию и содержанию компетентности специалиста и (или) руководителя, его ориентации на использование знания как теоретической основы для получения конкретных результатов и повышения эффективности деятельности [1]. Современные исследования все больше акцентируют внимание на изучение правовой компетентности в связи с правовым поведением и правовой культурой. Однако речь по-прежнему идет о правовой компетентности представителей отдельных профессиональных групп [2]. Несмотря на большой эмпирический материал, исследования данной проблемы в теоретико-правовом и философско-правовом контексте отсутствуют.

Методологически статья основана на коммуникативной парадигме [3], позволяющей рассмотреть правовые явления в социальном контексте, с учетом ценностной составляющей.

Широкое распространение понятия «правовая компетентность» в последнее десятилетие обусловлено как доктринальными, так и нормативными мотивами [4]. С одной стороны, современная педагогическая доктрина апеллирует к тому, что в основе дефиниции понятия «компетентность» лежит идея воспитания личности, которая должна не только иметь необходимые знания, профессионализм, высокие моральные качества, но и уметь адекватно действовать в соответствующих ситуациях, применять знания на практике и брать на себя ответственность за свои действия. С другой стороны, принятие нового закона об образовании и переход на федеральные государственные образовательные стандарты третьего поколения означает не только законодательное оформление компетентностной парадигмы, но и ее внедрение в образовательный процесс.

Однако этот процесс, закономерный для российской социальной реальности, существенно осложнен цифровизацией, имеющей глобальный характер. Распространение виртуального пространства, его проникновение во все сферы жизни человека обуславливают расширение горизонтальной правовой коммуникации, при которой социальные роли адресанта и адресата нивелируются, а правила поведения представляют собой конвенциональный результат поиска компромиссов в номинальной группе [5]. Все большее значение в жизни человека приобретает правовая компетентность, отражающая степень включенности индивида в правовую реальность и особенности его правовой идентификации группового и социального характера [6].

Правовая компетентность выступает в качестве интегральной характеристики, отражающей определенный уровень (совокупность) правовых

знаний, ценностно-смысловых ориентаций, умений и навыков человека, формируемых в процессе правового опыта, в том числе при получении образования, и направленных на позитивацию его правового поведения и рефлексии правовой реальности. Наличие у человека необходимых правовых знаний и способностей дает ему возможность не только анализировать, делать выводы и принимать эффективные решения, но и рационально действовать в правовой сфере, реализуя принятые решения на практике.

Фиксируя опытность человека в правовой сфере, его полноправие в осуществлении правового поведения, нормативно закрепленную систему прав и обязанностей в соответствии с правовым статусом и выполняемой социальной ролью, а также место в правовой коммуникации, правовая компетентность позволяет человеку функционировать в правовой реальности наиболее адекватным образом. Индивид стремится к активному поиску знаний и умений, необходимых для понимания сущности современных и исторических правовых явлений и позволяющих влиять на их процесс и содержание. При этом он выступает, прежде всего, как участник внутригрупповой коммуникации. Как приобретение, так и реализация соответствующих правовых знаний и умений определяется, прежде всего, отношением субъекта к определенной коммуникативной ситуации, к участникам этого взаимодействия и к своим возможностям управлять этим взаимодействием. Однако независимо от его роли в коммуникации (адресант или адресат), человек стремится к идентификации с группой, что определяет соотношение его действий с ее правовыми ценностями и нормами.

Структурно правовая компетентность может быть представлена тремя компонентами, отражающими ментальные и поведенческие аспекты правовой культуры.

Когнитивный компонент правовой компетентности включает в себя знание и понимание человеком правовых ценностей и норм, причин возникновения и способов разрешения правовых коллизий, структуры правовой деятельности; способность не только знать и воссоздавать нормы права, но и осваивать новые правовые знания, что особенно актуально в условиях транзитивности социальной реальности и господства неформальных правил [7]. Развитие когнитивного компонента правовой компетентности способствует повышению самооценки человека, коррекции его представлений о своем месте в правовой реальности.

Мотивационный компонент правовой компетентности можно определить как совокупность доминирующих мотивов правового поведения. Мотивация правового поведения как следствие индивидуального и социального правового опыта выступает субъективной реакцией человека на внешнее воздействие, носящее как целенаправленный, так и ситуативный характер. Чем больше степень участия индивида в правовой коммуникации вертикального характера в качестве адресанта, тем более целенаправленной является мотивация его действий, тем больше они обусловлены системой правовых ценностей сообщества, с которым он себя идентифицирует [8]. Несмотря на усиление горизонтальной составляющей правовой коммуникации в виртуальном пространстве, именно восприятие индивидом себя в качестве адресанта способствует целенаправленности мотивации, придавая

ей стереотипизированный характер. Мотивационный компонент характеризует потребность человека в повышении уровня правовой компетентности как в процедурном, так и в результативном контексте. Это обуславливает необходимость конструирования такого коммуникативного пространства, в котором человек будет воспринимать правовую компетентность как необходимое условие развития и функционирования в правовой реальности, позволяющее удовлетворить его индивидуальные и социальные интересы.

Деятельностный компонент правовой компетентности – умение реализовать законодательство, обеспечивать права и свободы человека и гражданина в процессе групповой коммуникации. Будучи опосредованным ценностными установками, деятельностный компонент выражается в умении адекватно ориентироваться в правовой реальности и способности осуществлять правовое поведение на оптимальном уровне активности, умении осознавать правовые ценности и нормы.

Однако эта классификация имеет условный характер, поскольку все компоненты тесно взаимосвязаны. Усвоение знаний и умений является необходимой предпосылкой для развития позитивного отношения к правовому поведению. В свою очередь, позитивное отношение к правовому поведению стимулирует активность личности в овладении правовыми знаниями и умениями. Исключение из правовой компетентности одного из компонентов или снижение уровня их сформированности предопределяет снижение эффективности существования и деятельности индивида в правовой реальности.

Солидаризуясь с позицией П. П. Борисова об уровне подходе к компетентности [9], мы считаем необходимым рассматривать правовую компетентность в контексте правового сознания и поведения. Уровнем компетентности при этом должны выступать не только особенности рефлексии индивидом правовой реальности, но и характер его участия в правовой коммуникации. В качестве критерия определения уровня правовой компетентности участника правоотношений авторы статьи предлагают использовать категорию «социально активное правосознание и правовое поведение», под которой мы понимаем наличие в сознании человека ценностной установки на совершение правомерных действий, выступающих в качестве единственно возможного и наиболее целесообразного варианта правового поведения, определяющих функционирование лица в правовой реальности. Чем больше поведение индивида соответствует этим критериям, тем более высоким уровнем правовой компетентности можно его охарактеризовать.

Влияние правовой компетентности на правовое поведение связано со степенью заинтересованности российских граждан в правовой коммуникации на ее основе. К сожалению, в настоящее время наблюдается несоответствие качества формально-правовых императивов действующего законодательства России и степени их значимости в организации правового поведения. С одной стороны, юридическая техника российского законодательства все больше совершенствуется не только теоретически, но и практически [10]. С другой стороны, в обществе по-прежнему сохраняется негативный образ закона. Мотивационный компонент правовой компетенции характеризуется дуализмом: несмотря на то, что граждане понимают значимость и необходимость государственного регулирования правового поведения, сохраняется

убежденность в отсутствии (незначительности) учета социального интереса в правотворчестве и тексте законов и недостаточной роли последних в защите прав и свобод человека [11].

Низкий уровень знания законодательства, присущий когнитивному компоненту правовой компетентности, связан с правовыми архетипами, в которых обращение к формальному праву было уделом избранных. Для позитивной оценки правовой политики от человека требуется не только наличие желательного образа правовой реальности, но и конструирование модели собственного поведения, необходимого для трансформации этого образа в действительность. Только в этой ситуации отдельные законодательные акты будут восприниматься положительно, поскольку будут соответствовать субъективным представлениям о том, как нужно действовать в той или иной ситуации. Такой тип правовой рефлексии позволяет индивиду выступить в качестве актора правовой реальности. В противоположной ситуации, когда человек отстраняется от решения правовых проблем, отдавая их на откуп власти, он приобретает роль «жертвы».

Расширение числа лиц, обладающих высоким уровнем правовой компетентности и выступающих в качестве актора правовой реальности, свидетельствует о демократизации государства. В России на это направлено привлечение общественности не только к законодательной деятельности (например, интернет-обсуждение наиболее значимых законопроектов), но и к управлению государством (например, создание общественных советов при органах исполнительной власти).

В то же время, несмотря на признание правовой информированности [12] и просветительской деятельности [13] важнейшими направлениями деятельности государства, им по-прежнему уделяется недостаточное внимание. В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Президентом РФ 02.07.2021 правовое воспитание не упоминается вообще, а по контексту можно заключить, что оно рассматривается как часть гражданского воспитания (ст. 25) [14]. Исходя из этого, можно предположить, что правовая компетентность рассматривается не в качестве самостоятельного элемента правовой культуры, а лишь как структурный элемент общегражданской компактности и культуры личности. В целом это соответствует широко распространенной не только в российской, но и в мировой науке идее включения правовой компетентности в содержание гражданской [15]. Однако данная тенденция не соотносится с уровнем развития современной российской правовой реальности.

Мотивационный компонент правовой компетентности характеризуется низким уровнем интериоризации правовых ценностей и норм, что свидетельствует о тенденции к снижению осознания гражданами своей правосубъектности. Формирование правовой компетентности усложняется широким распространением бытовой коррупции [16] и латентной преступности [17]. Однако отношение к этим проблемам носит двойственный характер. С одной стороны, решить эту проблему можно за счет повышения уровня правовой компетентности. С другой стороны, криминализации правосознания способствует использование правовой компетенции для осуществления противоправных действий. Это находит отражение в кенотипах. Например, получила распространение пословица «Незнание закона не освобождает от ответственности, а знание — освобождает».

Мы согласны с мнением И. К. Денисенко о том, что уровень правовой компетентности предопределен правовой социализацией [18]. Однако считаем, что ведущую роль играет вторичная социализация, способствующая стереотипизации и каузальной атрибуции человеком правовой реальности в соответствии с социальным правовым опытом сообщества, с которым он себя идентифицирует. Именно в процессе правовой социализации личность приобретает правовую компетентность, предусматривающую не только уровень правовых знаний, но и правовую установку, определяющую направленность поведения субъекта в пространстве как внутригрупповой, так и межгрупповой коммуникации [19]. В этом процессе большое место занимает конструируемая в сознании и поведении человека корреляция образов юридической нормы и правовых ценностей [20].

Значительное место в развитии правовой компетентности занимает также правовое информирование. Его необходимо рассматривать как целенаправленную деятельность государственных и общественных институтов по доведению до граждан правовых знаний [21], а также как личную инициативу человека по ознакомлению (изучению) с правовыми актами и юридической литературой, ценностную ориентацию на решение споров в правовом поле, в том числе путем обращения в правоохранительные органы и получения юридических консультаций и т. д. Это будет способствовать позитивации деятельностного компонента правовой компетенции и формированию социально активного правового поведения.

Формирование правовой компетенции в современном обществе связано также с качественно новой ролью информации, виртуализацией социального пространства и расширением числа лиц, занятых в информационной сфере. Отмеченные факторы вызывают пересмотр места и роли человека в социальном мире, актуализируют проблему неадекватности существующих правовых средств для регулирования ситуаций, связанных с цифровизацией правовой реальности.

Расширение виртуального пространства влечет за собой изменения не только технологического, но и социального вектора. Увеличение роли горизонтальной правовой коммуникации в конструировании правовой реальности сопровождается усилением значимости в процессе формирования правовой компетентности не столько реальных правовых знаний и ценностей, сколько их виртуальных образов, нередко мифологизированных. Как следствие, возникает противоречие между правовой действительностью, в которой человек существует, и правовой реальностью, сконструированной в его сознании. Выход из этого когнитивного диссонанса возможен только при условии расширения целенаправленности вовлечения виртуального пространства в процесс правового воспитания.

Таким образом, правовая компетентность представляет собой совокупность правовых знаний, ценностно-смысловых ориентаций, умений, навыков, коммуникативных способностей и личностных качеств, необходимых для эффективного функционирования человека в правовой реальности. Структурно правовая компетентность может быть представлена тремя компонентами: когнитивным, мотивационным, деятельностным, отражающими ментальные и поведенческие аспекты правовой культуры. В условиях усиления

транзитивности правовой реальности, все больше приобретающей виртуальный характер, именно правовая компетентность занимает центральное место в правовой культуре человека, определяя его место в правовой коммуникации. Это обуславливает необходимость усиления целенаправленности государственной деятельности в сфере формирования правовой компетентности участников правовой коммуникации.

Пристатейный библиографический список

1. Новая постиндустриальная волна на Западе: Антология / под ред. В. Л. Иноземцева. М. : Academia, 1999.
2. Демидова И. А. Правовая компетентность личности в современном обществе: вопросы понимания и практика формирования // Вестник Могилевского института МВД. 2021. № 1. С. 90–95.
3. Habermas J. The Theory of Communicative Action : in 2 vol. Boston : Beacon Press, 2003. Vol. 2. Lifeworld and system : a critique of functionalist reason.
4. Воронцова Н. Л. Формирование правовой компетентности участников образовательных отношений // Образование и право. 2021. № 1. С. 326–330.
5. Лановая Г. М. Правовая идентификация и правовая самоидентификация : содержание понятий // Международный журнал конституционного и государственного права. 2016. № 2. С. 57–60.
6. Law values as a factor of sociocultural identification / M. S. Matantseva, N. P. Ledovskikh, D. A. Matantsev et al. // International Journal of Civil Engineering and Technology. 2018. Vol. 9, is. 10. P. 2001–2012.
7. Bourdieu P. The Force of Law : Toward a Sociology of the Juridical Field // Hastings Law Journal. 1987. Vol. 38, is. 5. P. 814–853.
8. Brown R., Capozza D. Social Identity Theory in Retrospect and Prospect // Capozza D., Brown R. (Ed.). Social Identity Processes : Trends in Theory and Research. L. : SAGE Publications Ltd, 2000. P. 7–15.
9. Борисов П. П. Компетентностно-деятельностный подход и модернизация содержания общего образования // Стандарты и мониторинг в образовании. 2003. № 1. С. 58–61.
10. Скоробогатов А. В., Борисова Н. Р. Инновации в образовательном законодательстве как средство повышения эффективности правового регулирования отношений в сфере образования // Юридическая техника. Ежегодник. 2021. Т. 15. С. 555–559.
11. Левада-Центр. Верховенство права [Пресс-выпуск от 20.05.2020]. URL: <https://www.levada.ru/2020/05/20/verhovenstvo-prava/>.
12. Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан : утв. Указом Президента РФ от 28.04.2011 № Пр-1168 // Российская газета. 2011. 14 июля.
13. О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» : федеральный закон РФ от 05.04.2021 № 85-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2021. № 15, ч. 1, ст. 2452.

14. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL : <http://pravo.gov.ru>.

15. Munkler H. Der kompetente Bürger // Klein A., Schmalz-Bruns R. (Hrsg.). Politische Beteiligung und Bürgerengagement in Deutschland : Möglichkeiten und Grenzen. Baden-Baden : Nomos Verlagsgesellschaft, 1997. S. 153–172.

16. Чернышев Д. Б., Щербак Н. М. Проблема недооценки обществом бытовой коррупции // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. 2021. № 1. С. 258–264.

17. Черноусов М. М., Цветков Г. С. Исследование латентной преступности: теоретические и практические аспекты // Наука, образование и культура. 2018. № 3. С. 30–38.

18. Денисенко И. К. Влияние институтов правовой социализации на формирование правовой компетентности и правового поведения личности // Историческая и социально-образовательная мысль. 2012. № 1. С. 245–248.

19. Скоробогатов А. В., Краснов А. В. Правовое пространство: постклассическая интерпретация // Российский журнал правовых исследований. 2016. № 3. С. 81–88.

20. Cohn E. S., White S. O. Legal Socialization : A Study of Norms and Rules. N.Y. : Springer-Verlag, 1990. P. 7–58.

21. Осипов Р. А. Правовое информирование: понятие и соотношение со смежными категориями // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2015. № 3. С. 153–158.

References

1. Novaya postindustrial'naya volna na Zapade : Antologiya [New post-industrial wave in the West : Anthology] / under edition of V. L. Inozemcev. M. : Academia, 1999.

2. Demidova I. A. Pravovaya kompetentnost' lichnosti v sovremennom obshchestve: voprosy ponimaniya i praktika formirovaniya // Vestnik Mogilevskogo instituta MVD. [Legal competence in modern society: issues of understanding and practice of formation // Bulletin of the Mogilev Institute of the Ministry of Internal Affairs.] 2021. № 1. P. 90–95.

3. Habermas J. The Theory of Communicative Action : in 2 vol. Boston : Beacon Press, 2003. Vol. 2. Lifeworld and system : a critique of functionalist reason.

4. Vorontsova N. L. Formirovaniye pravovoy kompetentnosti uchastnikov obrazovatel'nykh otnosheniy // Obrazovaniye i pravo. [Formation of legal competence of participants in educational relations // Education and Law.] 2021. № 1. P. 326–330.

5. Lanovaya G. M. Pravovaya identifikatsiya i pravovaya samoidentifikatsiya : sodержaniye ponyatiy // Mezhdunarodnyy zhurnal konstitutsionnogo i gosudarstvennogo prava. [Legal identification and legal self-identification: the content of concepts // International Journal of Constitutional and State Law.] 2016. № 2. P. 57–60.

6. Law values as a factor of sociocultural identification / M. S. Matantseva, N. P. Ledovskikh, D. A. Matantsev et al. // International Journal of Civil Engineering and Technology. 2018. Vol. 9, is. 10. P. 2001–2012.

7. Bourdieu P. The Force of Law : Toward a Sociology of the Juridical Field // Hastings Law Journal. 1987. Vol. 38, is. 5. P. 814–853.

8. Brown R., Capozza D. Social Identity Theory in Retrospect and Prospect // Capozza D., Brown R. (Ed.). Social Identity Processes : Trends in Theory and Research. L. : SAGE Publications Ltd, 2000. P. 7–15.

9. Borisov P. P. Kompetentnostno-deyatelnostnyy podkhod i modernizatsiya sodержaniya obshchego obrazovaniya // Standarty i monitoring v obrazovanii. [Competence-activity approach and modernization of the content of general education // Standards and monitoring in education.] 2003. № 1. P. 58–61.

10. Skorobogatov A. V., Borisova N. R. Innovatsii v obrazovatel'nom zakonodatel'stve kak sredstvo povysheniya effektivnosti pravovogo regulirovaniya otnosheniy v sfere obrazovaniya // Yuridicheskaya tekhnika. Yezhegodnik. [Innovations in educational legislation as a means of increasing the efficiency of legal regulation of relations in the field of education // Legal technology. Yearbook.] 2021. Vol. 15. P. 555–559.

11. Levada-Tsentr. Verkhovenstvo prava [Press-vypusk ot 20.05.2020]. [Levada Center. Rule of Law [Press release 05/20/2020] URL: <https://www.levada.ru/2020/05/20/verhovenstvo-prava/>.

12. Osnovy gosudarstvennoy politiki Rossiyskoy Federatsii v sfere razvitiya pravovoy gramotnosti i pravosoznaniya grazhdan : utv. Ukazom Prezidenta RF ot 28.04.2011 № Pr-1168 // Rossiyskaya gazeta. 2011. 14 iyulya. [Fundamentals of the state policy of the Russian Federation in the development of legal literacy and legal awareness of citizens : approved. dy the Decree of the President of the Russian Federation of 28.04.2011 No. Pr-1168 // Rossiyskaya Gazeta. 2011. 14 July.]

13. O vnesenii izmeneniy v Federal'nyy zakon «Ob obrazovanii v Rossiyskoy Federatsii» : federal'nyy zakon RF ot 2021 № 85-FZ // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2021. № 15, ch. 1, st. 2452. [On Amendments to the Federal Law «On education in the Russian Federation» : federal law of the Russian Federation. 2021. № 85-FZ // Collection of legislation of the Russian Federation. 2021. No. 15, part 1, art. 2452.]

14. O Strategii natsional'noy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii : ukaz Prezidenta RF ot 02.07.2021 № 400 // Ofitsial'nyy internet-portal pravovoy informatsii. [On the National Security Strategy of the Russian Federation : Decree of the President of the Russian Federation of 02.07.2021 No. 400 // Official Internet portal of legal information.] URL : <http://pravo.gov.ru>.

15. Munkler H. Der kompetente Burger // Klein A., Schmalz-Bruns R. (Hrsg.). Politische Beteiligung und Burgerengagement in Deutschland : Möglichkeiten und Grenzen. Baden-Baden : Nomos Verlagsgesellschaft, 1997. P. 153–172.

16. Chernyshev D. B., Shcherbak N. M. Problema nedootsenki obshchestvom bytovoy korrupsii // Yuridicheskaya nauka i praktika. Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii. [The problem of society's underestimation of everyday corruption // Legal Science and Practice. Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.] 2021. № 1. P. 258–264.

17. Chernousov M. M., Tsvetkov G. S. Issledovaniye latentnoy prestupnosti: teoreticheskiye i prakticheskiye aspekty // Nauka, obrazovaniye i kul'tura. [Research of latent crime: theoretical and practical aspects // Science, education and culture.] 2018. № 3. P. 30–38.

18. Denisenko I. K. Vliyaniye institutov pravovoy sotsializatsii na formirovaniye pravovoy kompetentnosti i pravovogo povedeniya lichnosti // Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'. [Influence of the institutions of legal socialization on the formation of legal competence and legal behavior of the individual // Historical and socio-educational thought.] 2012. № 1. P. 245–248.

19. Skorobogatov A. V., Krasnov A. V. Pravovoye prostranstvo: postklassicheskaya interpretatsiya // Rossiyskiy zhurnal pravovykh issledovaniy. [Legal space: postclassical interpretation // Russian Journal of Legal Research.] 2016. № 3. P. 81–88.

20. Cohn E. S., White S. O. Legal Socialization : A Study of Norms and Rules. N. Y. : Springer-Verlag, 1990. P. 7–58.

21. Osipov R. A. Pravovoye informirovaniye: ponyatiye i sootnosheniye so smezhnymi kategoriyami // Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii. [Legal information: concept and correlation with related categories // Bulletin of the Saratov State Law Academy.] 2015. № 3. P. 153–158.